

1

Пока на нее не смотрели, Ульяна провела пальцем по холодному голубому кошачьему носу. Их тут, на комод и полках, сотня, не меньше, – фарфоровых сувениров под гжель. И столько же фигурок из керамики, из натурального меха, из искусственного меха. И все кошки.

В то время как Ульяна рассматривала статуэтки, Алексей разговаривал с хозяевами квартиры.

– Большинство книг мы, конечно, не заберем. Но вот этот экземпляр... за него мы готовы дать тысячу. Вас такая цена устраивает?

Молодые хозяева – явно просто собственники, не жильцы – сиротливо стояли в дверях гостиной и жались друг к другу, как неразлучники. Услышав слова Алексея, они заулыбались с не прикрытым удивлением.

– Да, конечно, мы даже не...

Мы даже не догадывались, что он столько стоит. Ульяна отвернулась от кошек и продолжила складывать книги в коробки. Алексей рассказывал собственникам, сколько стоит тот или иной экземпляр (если стоит вообще), он называл смешные цифры, но счастливые хозяева только улыбались и кивали. Алексей отсчитал деньги прямо из своего кошелька.

Затем остановился рядом с Ульяной, оглядел кошек и привычным движением утянул в карман одну из статуэток.

– Все упаковано, – отчиталась Ульяна.

– Отлично, понесли.

Ульяна обернулась напоследок. У стены стояла ручная машинка «Зингер», к корпусу скотчем приклеена визитка «Ремонт», в мобильном номере – число 333. Рядом с машинкой высилась стопка металлических коробок из-под печенья, поверх стопки лежала игольница в виде красного сердца. Булавки и иглы торчали из нее, как на «Тройке мечей».

Стоило Ульяне подумать о таро, как она заметила карточку за стеклом советского серванта. Алокрылый ангел трубит благую весть, с земли к нему тянут руки обнаженные радостные люди – аркан «Суд». Воровски оглянувшись и убедившись, что на нее не смотрят, Ульяна подошла ближе. Хорошая печать, плотный картон. Самой колоды поблизости не видно, будто кто-то нашел карту по случайности и, не зная ее значения, принял ее за открытку.

И Ульяне захотелось прикоснуться к карте, забрать ее с собой, но она помнила, что брать чужие таро – плохая примета: колода впитывает энергетику хозяина. И пусть Ульяна не верила в приметы, пусть всем говорила, что ратует за научный подход и доказательную медицину, все же – на всякий случай, не более – она отдернула руку.

И в этот момент, подняв глаза, она увидела, что из тусклого отражения в буфетном стекле на нее смотрят черные-черные глаза. Из серванта клацнуло. Ульяна сглотнула, схватила коробку с книгами и понесла ее прочь из квартиры.

Ульяна работала в букинистическом на цокольном этаже жилого дома. Там продавались книги по сорок пять рублей и раритетные мелочи: советские неваляшки, нитки жемчуга из шкатулок давно почивших женщин, неработающие пленочные фотоаппараты в роскошных кожаных футлярах, значки с Лениным.

Елизавета Макаревич родилась в Одинцово Московской области в 1999 году. Окончила Литинститут им. А.М. Горького. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Москва», «Этажи», «Дружба народов». Живет в Москве.

Низкий худощавый Алексей был для Ульяны и шефом, и напарником. Бородкой он напоминал Троцкого, а желтой кожей курильщика – страницы книг, которые они с Ульяной разбирали часами. Он ходил в одной и той же, но всегда выглаженной и чистой одежде. В свободные минуты мял в руках маленький резиновый мячик: тот непременно лежал в нагрудном кармане Алексеевой куртки. Ульяне все хотелось спросить, для чего нужен этот мяч, но она тактично молчала. Ульяна подозревала, что Алексей – «на спектре». Как бы то ни было, ей нравилось с ним работать: он обращался к ней на ты, разрешал переставлять смены в последний момент и не задавал лишних вопросов, заметив хаотичные белые линии на Ульяниных предплечьях (и все же Ульяна перестала носить короткие рукава).

Помимо кассы, в Ульянины обязанности входил поиск клиентов. Раз в пару часов она проверяла объявления на «Авито», искала редкие издания, ненужные библиотеки, списывалась с владельцами, договаривалась о встрече. Но больше всего, кажется, Алексей ценил Ульяну за ее шкоду-октавия-универсал. Вместительного багажника хватало, чтобы сложить коробки с книгами.

В тот кошачий день, когда они поехали обратно в магазин, Алексей как всегда сидел рядом с Ульяной и пересматривал отложенные в рюкзак книги. Эти книги отправятся не в букинистический, а к Алексею домой. А там уже как повезет.

– Гляди, дореволюционный экземпляр, – говорил Алексей, пока Ульяна неотрывно следила за дорогой, – с автографом автора. Ты представляешь? Тысяча рублей... я продам ее за пятнадцать.

Он достал из рюкзака мультифору и бережно завернул в нее книгу. Когда речь заходила о книгах, Алексей превращался в фанатика. Он видел ценные экземпляры издаека, распознавал их там, где Ульяна видела только потрепанные корешки, читал, кажется, все на свете и прочитанное скидывал Ульяне на стол – то ли по инерции, то ли в надежде воспитать молодежь. В такие моменты Ульяна вспоминала, что между ними разница в тридцать лет.

– Видела кошек?

– Сложно было не заметить.

– Ты подумай только, это ж годами надо было собирать. Потом все – смерть, и коллекцию раздали, вынесли на свалку. А ведь в ней – весь человек.

– Ну, не всю же жизнь таскать ее с собой?

– Ты же знаешь, я человек не сентиментальный, – с напускным равнодушием произнес Алексей. – Но кое-что понимаешь, только когда по-настоящему теряешь человека. Когда от него не остается ничего, кроме вещей.

Ульяна неслышно цокнула. Свернула на парковку.

– Ладно, – нарочито громко произнес Алексей, – раз приехали, пора снова за работу.

...Ульяна остановила машину у торгового центра. Краем глаза заметила номер автомобиля, припаркованного рядом, – 313. Отвела взгляд, выключила радио, настроенное на новостной канал. В этот момент двери ТЦ расплзлись, и на улицу выпорхнула Вика.

Сначала рывком открылась задняя дверца. На сиденье упала спортивная сумка. Дверца захлопнулась. Затем Ульяну обдало холодным воздухом, и рядом с ней приземлился ветерок.

– Здравствуйте, Анна Павлова, – ухмыльнулась Ульяна.

Вика улыбнулась в ответ, не отрывая взгляда от своего отражения в зеркале заднего вида. Пригладила пушистые тонкие волосы на висках, выбившиеся из тугого пучка.

– Как прошла тренировка?

– Слушай, чудесно. – Вика наконец обернулась к Ульяне. – Я не знаю, меня эти девчонки прям заряжают. Я иногда думаю: вот что ты ходишь, ни выворотности, ни пластики. А потом они так благодарят за занятие, что, блин, даже стыдно за такие мысли становится.

– Ого, ты сегодня чувствительная.

– Сама в ужасе! – рассмеялась она и откинулась на спинку сидения. – Сходи уже ко мне на танцы, хотя бы на пробное. Я прям чувствую, как внутри тебя бурлит энергия.

– Какая энергия, Вик? Я с кровати еле встаю.

– Вот потому и еле встаешь, что твоя энергия выхода не находит.

Опустив голову, Ульяна принялась ковырять заусенец на большом пальце. Затем заговорила:

– Слушай... У тебя же выходной завтра? Как тебе идея: заезжаем к тебе, ты кормишь Дею и берешь вещи, и мы едем ко мне домой, посмотрим что-нибудь ненапряжное. У меня есть сливы, можем приготовить варенье.

– Ты же знаешь, меня дважды просить не нужно. Только варенье сама мешать будешь.

И вскоре они сидели на Ульяниной маленькой кухне – желтой от советских обоев в цветочек. (Мама все повторяла: «Вот зачем тебе эта машина? Лучше бы ремонт сделала, смотреть страшно!») Но Ульяне страшно не было: она никогда не отличалась привередливостью. Разве что хотелось чуть-чуть больше места. Как и Алексей, Ульяна забирала с работы понравившиеся книги, понравившиеся вещи. В прихожей висели часы без птички. На туалетном столике лежал деревянный резной гребень (перед тем как помыть его, Ульяна щедро посыпала зубчики солью: прочитала, что так можно очистить энергетику расчески и – на всякий случай – очистила). На холодильнике висели поблекшие открытки с картинами из Третьяковской галереи.

Но это все по мелочам; вот в гостиной – она же Ульянина спальня – было действительно не развернуться. Там вдоль стен (повесить полки не дошли руки) выстроились книжные башни разной высоты: Элиаде, Грейвс и еще пара экземпляров из «Личной библиотеки Борхеса», Еврипид, иллюстрированные издания сказок, Юнг, Вудман, Сергеева, Татар, над ними Сапольски – многочисленные свидетельства Ульяниных попыток систематизировать реальность. Иногда, засыпая, Ульяна смотрела сквозь ресницы на черные силуэты книжных башен, и ей казалось, что это нижняя челюсть какого-то зверя с кривыми зубами.

Раз в год, в разгар зимы, Ульяна сбрасывала часть вещей в мусорный мешок и выносила на помойку. Это случалось в те моменты, когда чудище принималась особенно громко клацать зубами, а мир вдруг становился пыльным, как ковер на стене. Ульяна долго намывала линолеум (в одном месте он даже взбух пузырем), аккуратно раскладывала книги, убирала в коробки спицы, мотки пряжи, изделия. Она рассчитывала оставить после себя чистоту.

Для создания чистоты нужны были силы. Так что Ульяна записывалась к врачу, получала рецепты на антидепрессанты и транквилизаторы и никогда не приходила на повторный прием. Когда квартира оказывалась убрана, а ковер мира – выбит, жизнь вдруг становилась посильной. И Ульяна слезала с таблеток, постепенно сокращая дозу.

Во время одной из таких чисток Ульяна выбросила дневники, которые вела с начальной школы вплоть до выпуска с филфака. Потом она их долго оплакивала: в этих дневниках можно было прочитать про папу...

Вика и Ульяна нарезали сливы, сковыривали косточки в миску.

– А потом он говорит, мол, за пятнадцать тысяч продам. В общем, все как обычно.

– Да уж, этот Алексей – ого-го, – жуя, отозвалась Вика.

Она зажмурилась и потянулась. Потом подперла голову руками и с нежностью посмотрела на Ульяну:

– Блин, как же хорошо просто так сидеть с тобой... Все-таки подруга – лучшее, что может случиться с женщиной.

Ульяна с сомнением улыбнулась:

– А почему не пассия?

– Потому что. Я тебе как разведенка говорю.

– Ладно, ты у нас эксперт, не я.

Ульяна состояла в отношениях лишь однажды. Ей было шестнадцать, ему – двадцать пять. Они общались три месяца, все закончилось само собой и оставило фантомные прикосновения сухих пальцев.

– А мама? – предложила Ульяна.

– Тут как повезет.

– Хорошо, а дочь?

– Тут кто как захочет. Кстати, я что-то такая сентиментальная стала: начала умиляться детям.

– Не поверишь: я тоже. В зимних комбинезончиках они на мишек похожи.

Вика откинулась на спинку стула, прожевала очередную сливу.

– Дети классные. Помню, в ДК вела хореографический кружок. Как они еле-еле в плие сяди-лись, гусята. С детьми было весело, а вот с их родителями – треш.

Викин голос, похожий на зверька, ходил кругом Ульяны, терся мягкой спинкой. Ульяна чувствовала его мокрый нос, когда Вика вдруг передразнивала кого-то, тонкий хвост, когда она переходила на шепот. К ее голосу примешивался стук косточек о стенки миски. Ульяна считала про себя до десяти и по новой.

– Все-таки хочу родить в будущем, – продолжала Вика. – Но только в будущем, не сейчас. Не знаю, как люди понимают, что готовы. Может, я проснусь в один день, и мне в голову ударит, мол, все, пора? А ты, кстати, – (Ульяна вздрогнула, будто зверек запрыгнул ей на колени), – что думаешь, хотела бы ребенка?

– Нет. У меня наследственность так себе, это будет... негуманно.

– Ну, слушай... – Вика взглянула на Ульяну исподлобья, явно борясь с желанием спросить. – Резонно.

Наследственность давила на Ульяну со всех сторон, тянулась папиной, маминой линиями, разрасталась раковыми клетками, ставила капканы структурных изменений мозга. Впрочем, все эти комбинезончики, пюре, каталочки-пудели были так далеко, что Ульяна даже не расстраивалась.

– Ты же в курсе, я не создана для отношений, – добавила Ульяна.

– Ну, как знать, как знать. А вообще это же не плохо. Мне вот тоже в одиночестве, как оказалось, вполне даже. Главное – чтобы было хорошо с самой собой.

Ульяна улыбнулась.

...Засыпанные сахаром порезанные сливы стояли в холодильнике под крышкой. Часы без птички мерно отсчитывали «раз-раз-раз». Ульяна и Вика лежали на раскладном диване, на том самом, где долгие годы в одиночестве засыпала Ульянина бабушка.

Ульяна часто думала, что надо бы диван поменять: уж больно часто бабушка приходит во сне. Снится, как она стоит неподвижно посреди комнаты, как прикладывает к губам негнущийся палец и шепчет, что немислимые «они» уже выехали. Но ни «они» не приехали, ни диван Ульяна не выбросила. Она повторяла себе, что не верит в энергетику вещей, как не верит в приметы и знаки. Но все равно – на всякий случай, когда не видят – сплевывала за плечо, стучала по дереву, да еще с гребнем этим...

– И я ей говорю, мол, есть травмы? Ну, как обычно, – вполголоса рассказывала Вика. – И ты не поверишь. Она смотрит мне в глаза и серьезно так: «Развод родителей». Я чуть не заржала, реально.

Ульяна уплывала в сон. Смыслы слов отделялись от звуков.

– Блин, я не хочу обесценивать и все такое, но слово «травма» стало таким попсовым. С каких пор всем хочется быть травмированными? Будто травма – это... пропуск в клуб классных ребят.

Она перевернулась на бок, заелозила по простыне, пытаясь улечься поудобнее. Ульяна зажмурилась, чтобы не упустить сон.

– Вот ты мне скажи, – продолжила Вика, – тебя травмировал развод родителей?

– Не.

– Вот и меня нет. А вообще есть у тебя травмы?

– Нет. – Сон объял, как вода. – Только горечь.

Ульяна не знала, родилось ли чудище в год ее шестнадцатилетия или всегда жило в тени. Она лишь осознала, что теперь чудище будет приходить снова и снова, каждую зиму. Оно будет от-деляться от темноты, ходить кругами, подбираясь ближе, загораживая входную дверь, оставляя в комнате следы грязных лап, нестиранную одежду, пакеты с вещами на выброс.

Ульяна знала, что чудище любит острые предметы. Ему нравятся канцелярские ножи, смен-ные лезвия, разобранные бритвы. Чудище любит вяжущий голод и всегда просит есть, чудище

любит сахар и жир. Но главное – чудовище постоянно класает челюстями. И его класание настолько громкое, что заглушает весь мир.

2

«Тебе поесть прихватить?», «В магазине что-нибудь нужно?», «Если тебе что-то надо, сразу пиши, хорошо?»

Ульяна переписывалась с матерью через день, раз в неделю заезжала проведать. Все предлагала привезти продукты, помочь деньгами. Мама отнекивалась, махала руками: «Ульяш, ну я что, немощная, по-твоему? Мне до пенсии еще пять лет!»

Но Ульяна-то знала, что да, немощная. Ульяна помнила, как тяжело мама переживала развод, как плакала по ночам. Все сетовала, что «потратила жизнь не на того человека», и учила Ульяну, что именно мужчина нужен женщине, когда той страшно и больно, только с мужчиной можно почувствовать себя в безопасности. Потом она обнимала Ульяну и целовала в висок: «Ну, что ты сидишь со мной? Уже три часа, иди спать, тебе утром в школу». Но Ульяна чувствовала: мама хочет, чтобы она осталась, – и оставалась.

В одну из таких ночей мама, плача, начала бить себя кулаками по бедрам. И от накатившего ужаса Ульяна почувствовала себя маленькой. С тех пор она только и думала, как бы стать большой и сильной, – чтобы маме всегда было к кому прибежать.

...Хоть у Ульяны и имелись свои ключи, она предварительно постучала в дверь. Затем вошла в прихожую, потопталась на половичке, чтобы сбить снег с ботинок. Поставила к стене пакеты с продуктами – по дороге заехала в магазин, набрала маме еды на свой вкус. На кассе озвучили стоимость: 777 рублей.

– Мам! – окликнула она.

Мама высунулась из кухни, заулыбалась.

– Ой, а я даже не услышала, как ты пришла. Здравствуй, дорогая.

Она обняла Ульяну и поцеловала в щеку. Ульяна удержала ее за плечи, уткнулась носом в висок (когда мама стала такой низкой?), вдохнула нежный запах. Мама со смешком вывернулась из объятий и подняла принесенные Ульяной пакеты.

– Это что, опять все мне? Я же просила, Ульяш...

– Подожди, не уходи. – Ульяна принялась рыться в рюкзаке. Вытащила контейнер, завернутый в фольгу. – Вот еще, держи. Это банановый пирог.

– Ну ты даешь, чудо-юдо! С каких пор ты умеешь печь?

– Недавно проснулась любовь к готовке.

– Жаль, что она спала, пока мы жили вместе.

Они рассмеялись.

Позже, сидя за столом, Ульяна слушала мамины рассказы о районной поликлинике. «Вот на вернулась на льду, так ни в травмпункт, ни к ревматологу не пробиться!» Ульяна улыбалась, а сама думала о переломах шейки бедра и гиподинамии. Старалась отвлечься от страхов, хотела постучать по дереву, но кругом было только ДСП. Ульяна давно поняла, что любить – значит бояться.

– Ты смотри осторожнее. – Ульяна старалась звучать спокойно. – Не дай бог что...

– Да что ты сразу, – с улыбкой отмахнулась та, – драматизируешь. Ты-то сама как? Ешь нормально?

– Да, все в порядке.

– А чего тогда выглядишь неважно?

– Вообще... – Ульяна подняла голову. – Знаешь, мама, мне цифры режут глаза.

Они молча смотрели друг на друга: мама – растерянно, Ульяна – выжидающе. Наконец мама, не выдержав, отвела взгляд. Засуетилась над Ульяниной тарелкой, стала накладывать непрошенную добавку.

– Ты всегда так образно выражаешься, – мама неестественно хихикнула. – А глаза надо беречь. Я тебе всегда говорила: слишком много читать вредно.

– Да я не об этом.

– А о чем?

И, помедлив, Ульяна улыбнулась, мол, забудь. Не надо было тревожить маму, ей и так плохоет без причины. Маму нужно беречь – посадить на детский стульчик, чтобы та всегда была накормлена и не навернулась ненароком.

Ульяна опустила глаза и поняла, что все это время расковыривала заусенец.

За Ульяниным маленьким столом почти не было места. Прямо под носом лежали калькулятор и тетрадка для записок, блок товарных чеков, стаканчик с канцеляркой; по правую руку – свежепривезенные приличные издания (будут на глазах – скорее продадутся); по левую – ящик с репродукциями, пленочными черно-белыми снимками, советскими открытками.

Иногда в магазин попадала симпатичная мелочевка (бусы из бисера, елочные игрушки, пожелтевшие голографические календарики), и ее Ульяна также складывала на столе. Более крупные находки: кувшины из толстого хрусталя, фарфоровые фигурки, подсвечники, складные ножи, шкатулки – хранились на витрине за стеклом.

Ульянина пряжа по обыкновению лежала под столом. Там же, в пакете, всегда имелись спицы, журнал со схемами и начатое вязание.

Когда Алексей вернулся с коробкой новых книг, Ульяна считала петли.

– Что плетешь, паучиха? – окликнул он. – Историю мира?

– Сегодня просто палантин для мамы, – не поднимая глаз, отозвалась Ульяна.

Звякнул дверной колокольчик. В магазин вошли две девочки. Ульяна отметила в тетради количество сделанных петель и принялась наблюдать за посетительницами. Им было лет по четырнадцать, явно после школы: обе с заплетенными волосами, в юбках по колено, в руках пакеты со сменкой. У одной из девочек на шопере значок с надписью «Школа № 555».

– У моих бабушки и дедушки такие были.

Девочки разглядывали кораллы и ракушки на витрине. Ульяна и Алексей забрали их у флегматичного мужчины, недавно похоронившего родителей. Тот сказал, мол, это все сувениры из путешествий, они не стоят ничего.

Когда девочки ушли, Ульяна продолжила вязать.

Иногда ей казалось, что ее руки живут сами по себе. Широкие ладони, тонкие длинные пальцы с выдающимися суставами, короткие ногти с обкусанными заусенцами – руки напоминали муравьев. Сколько Ульяна себя помнила, им всегда нужно было что-то делать. Поэтому с малолетства она рисовала, клеила аппликации, но чаще всего орудовала иголкой.

К десяти годам Ульяна сшила пару десятков тряпичных кукол. Они изображали Ульяниных любимых поп-певцов, персонажей книг, мультяшек и компьютерных игр, героев, которых Ульяна сама придумывала перед сном. В ход шли срезанные с блузок пуговицы, старые футболки, синтепух из подушки. Однажды мама принесла Ульяне большой сверток белой в красное яблочко ткани. И тогда Ульяна сшила по новому костюму для каждой куклы, а потом устроила показ мод.

Мама сидела на диване, облокотившись на спинку, и с улыбкой наблюдала за тем, как Ульяна переставляет кукольные ножки. Куклы шествовали по подиуму, оглядывали публику, посылали воздушные поцелуи. Мама тихонько хлопала в ладоши, Ульяне казалось, что она разглядывает наряды с неподдельным интересом. И куклы шли быстрее, задорнее посылали поцелуйки.

В коридоре прошаркал отец. Мама окликнула его:

– Эй, иди посмотри, у нас тут фэшн-шоу.

Он пробормотал что-то невразумительное, мама закатила глаза и кивнула Ульяне: «Продолжай».

Прошло более десяти лет, когда Ульяна вдруг поняла, что маме было неинтересно, но – не все равно. И от нахлынувшей горькой нежности хотелось кого-нибудь сильно-сильно укусить.

В средней школе Ульяна переросла кукол. Но руки все так же зудели от желания двигаться. И они плели фенечки и кольца из бисера, вышивали эмблемы рок-групп на рюкзак и джинсовых куртках. Руки клеили коллажи, ради которых Ульяна изрезала мамину коллекцию журналов о

доме и быте. Руки соединяли бусины, картинки, смыслы. Руки привели Ульяну в букинистический.

Руки познакомили Ульяну с Викой. Пытаясь унять зуд в пальцах, Ульяна записалась на мастер-класс по икебанае. Подрезая сухую гортензию, она почувствовала на себе чей-то взгляд и подняла голову. Напротив стояла русая девушка с высоким растрепанным пучком и светлыми, почти прозрачными бровями. «У вас такие кисти, – вдруг сказала она, – прямо-таки балетные».

После работы, припарковавшись у дома, Ульяна подолгу оставалась в машине. Часто она заезжала в магазин или ресторан быстрого питания, набирала побольше еды. Затем, сняв ботинки и поджав ноги, ела в машине, а обертки и фантики скидывала на заднее сиденье. На следующее утро устраивала уборку. Ульяна очень любила свою машину.

Мама, конечно, была против, хваталась за сердце: «А вдруг ты не справишься с управлением? Я же тебя знаю!» Но Ульяна знала себя лучше, а потому давно поняла, что без машины уже никак. Вступив в наследство, продала бабушкину дачу, оплатила автошколу, купила подержанную школу. И мир стал тише.

Ульяна перестала носить наушники еще в студенчестве. Из-за вакуумных колпачков что-то в сознании закупоривалось, и Ульяне казалось, будто она смотрит на мир из-за стенки бутылки. Ульяна спускалась в метро, сталкивалась с картонными людьми, думала вслух и останавливалась посреди перехода. Поняв (или решив), что дело в наушниках, Ульяна убрала их во внутренний карман сумки и больше не доставала.

Стекланный барьер рассыпался, и на Ульяну обрушились звуки. Вибрирующее воркование голубей, смех подростков с искаженными лицами, прицокивание и причмокивание мужчин, вздохи старух, обрывки телефонных разговоров.

– Я не понимаю, да почему у вас в больнице ничего нет? Я уже все привез: нутризон, памперсы...

– И она идет такая, качая своей... И как я должен на это реагировать?

– Нет, я-то готова внести предоплату. Но перед этим приведите квартиру в порядок, чтобы туда можно было въехать с детьми!

Ульяна слышала торможение колес и вопль клаксона, слышала хохот, харканье, сирену на заводе, собачий лай и последующий хлест поводком по мохнатой спине.

Она сбегала в метро, надеясь поскорее добраться до работы, и при виде людей, стоящих на краю платформы, у нее кружилась голова. Каждый день Ульяна представляла, как падает на рельсы. Но она знала, что это хорошо: такая мысль – барьер между идеей и действием, она означает, что Ульяна не упадет, не упадет. Затем были выход из метро, улица и новые звуки.

В конце измученная, Ульяна добиралась до нужного дома и, перепрыгивая через ступеньку, сбегала на цокольный этаж. Она проскальзывала в букинистический, где всегда было тихо, где покупатели из почтения разговаривали шепотом, разувалась в подсобке, выпивала воды и шла за кассу.

Машина была не капризом, а необходимостью. Машина стала для Ульяны доспехами. Поднятые стекла, как забрала, позволяли ей, оставаясь здесь, держаться подальше.

3

Брякнуло уведомление из новостного канала. Ульяна пробежалась глазами по тексту: «Осужденный за убийство 23-летней девушки помилован...» Она переключилась на чат с мамой, быстро набрала: «Привет, как ты там», – затем опустила боковое стекло. Вместе с воздухом в салон задудло мелкие мокрые снежинки.

В это же время – как раз вовремя – из дверей ветеринарной клиники вышла Вика. Задняя дверь машины тихонько открылась, на сиденье мягко опустилась переноска с кошкой внутри. Ульяна выглянула в окно.

– Ну что, как Дея?

– Даже задремала, прикинь. – Вика тяжело дышала, будто запыхалась. – Жесть, мне кажется, я переволновалась сильнее, чем она.

– Это уж точно.

– В итоге ничего серьезного. Я покурю, хорошо?

Викин силуэт казался совсем тоненьким против света. И даже распушенные пушистые волосы будто отяжелели и тянули вниз. Вика обняла себя за локти, чиркнула зажигалкой.

Ульяна вышла из машины.

– Постою с тобой.

В середине зимы неожиданно пришла оттепель. Пока Вика молча затягивалась, Ульяна рассматривала влажные деревья. Они блестели черным глянцем против оранжевых фонарей. Ульяне хотелось спросить, отчего кажется, будто ветви спиралью заворачиваются вокруг лампочек. На этот вопрос наверняка уже ответили, просто непонятно, к кому обращаться. Как хорошо, думала она, что у меня нет детей. Я бы ничего не смогла им объяснить.

– Спасибо большое, что заехала.

Прозвенело уведомление. Ульяна тут же разблокировала смартфон: пришло сообщение, мол, все хорошо, – и выдохнула с облегчением. Мама не отвечала достаточно долго, чтобы Ульяна начала волноваться.

Вика потушила сигарету о стенку мусорной урны, и уголек рассыпался искрами.

– Заходи в гости, угощу вкусным чаем.

...Вообще-то Вики не должно было здесь быть. Ульяна ни с кем не дружила дольше пары лет. Не специально, напротив, ей всегда хотелось иметь много друзей. Но оно само так получалось: подруги отваливались одна за другой. Переходя из младшей школы в среднюю, из средней – в старшую, Ульяна встречала девочку, которая неожиданно оказывалась ей очень близка. Пары разговоров по душам хватало, чтобы разжечь в Ульяне почти сестринскую привязанность. А потом что-то случалось, и всеобъемлющая любовь сменялась пренебрежением. Ульяна выбрасывала подарки, в остервенении рвала открытки. Может, это чудище – тогда еще совсем маленькое – давало о себе знать.

Когда умер папа, Ульяна перестала отвечать на Викины сообщения. А Вика из деликатности перестала писать. На этом история и должна была закончиться. Но спустя полтора года – в четыре утра – вдруг пришло сообщение: «Привет, ты там как?» Разбуженная уведомлением, Ульяна больше не смогла уснуть.

А теперь они сидели вдвоем на Викиной светлой кухне с оливковыми стенами, ждали, когда приготовится в четыре руки сварганенный слоеный пирог. Пахло печеным яблоком. Ульяна наблюдала, как в прозрачном заварочном чайнике раскрываются листья, набухают кусочки сушеного манго. Вика, переодевшаяся в домашнее, то и дело закатывала рукава большого, с чужого плеча свитера.

– Это Вадимов? – спросила Ульяна.

– Ага. – Вика расправила и оглядела свитер, будто успела забыть, как он выглядит. – Так и не вернула.

– Тебе нормально носить вещи бывшего мужа? Я бы не смогла.

– Ну, так вещи ни в чем не виноваты.

Вика вышла замуж за Вадима в двадцать, развелась в преддверии двадцати одного. Разошлись мирно: оба поняли, что расписались импульсивно, немного на слабо. После Вадима у Вики был еще один мужчина. С ним также расстались на хорошей ноте. У Вики был дар без усилий увлекать за собой, так же легко отпускать. Рядом с ней Ульяна чувствовала себя тяжеловесной, словно полной застоялой воды.

– Нет, как человек Вадим прекрасный.

Опустившись на колени, Вика сквозь дверцу духовки наблюдала за пирогом.

– Но какой же тугодум! Ты прикинь, взрослый человек не знает, что тарелку после гречки надо мыть сразу. Или что секс – это не только про оргазм.

Ульяна сдержанно улыбнулась. В двадцать четыре года все, связанное с физиологией, вызывало у нее если не отвращение, то как минимум детское смущение. Ульяна мечтала избавиться от любых проявлений телесности, мечтала об асексуальности, аменорее, анорексии, анабиозе.

Со времен своего несчастного шестнадцатилетия она целовалась всего один раз. Ей было двадцать три, на улице капелью стучала весна, а она, сидевшая за барной стойкой, стала мягкой, невесомой и отчего-то тактильной. В полутьме тот паренек казался симпатичным, и Ульяна была даже не против, когда он ее поцеловал.

Во время поцелуя Ульяна от скуки открыла глаза. Пока паренек удерживал ее за подбородок, она думала о том, что чужие мокрые мясистые губы вызывают неприязнь. Чужие слюни, чужое дыхание, в перспективе – чужой пот и сперма. Идея близости. Паренек оставил Ульяне свой телеграмм. Она так ни разу ему и не написала.

Ульяна взглянула на часы – 21:21. Пора отправляться домой: завтра утром им с Алексеем предстоит осмотреть еще одну печальную библиотеку.

Мама сидела за кухонным столом, ссутулившись, как понурый полумесяц. Девятнадцатилетняя Ульяна, не глядя скинув ботинки, попыталась по маминой спине прочесть, что же случилось. Где-то в области солнечного сплетения зародилось ощущение, будто случилось что-то очень плохое. И это плохое теперь никуда не уйдет.

– Папка твой звонил, – не оборачиваясь, бросила мать. – Тебе стоит набрать ему.

Мама редко заговаривала об отце. Родители разошлись четыре года назад. Все случилось как-то само, Ульяне перепало скромное «папа с нами больше не живет». Она только кивнула, ее мнения все равно никто не спрашивал.

– А что произошло?

– Говорит, рак у него нашли. – Мама все так же смотрела мимо. – Желудка. – И, помолчав, добавила: – Ты только не плачь, хорошо? А то я тоже буду плакать.

Ульяна молча подхватила сброшенный на пол рюкзак и ушла к себе в комнату. Там, долго не переодеваясь, сидела за столом. Наконец убедилась, что глаза сухие, а голос не дрожит, и набрала отцовский номер.

– Пап, привет. – И тут же дала трещину.

– Привет, привет. Тебе мать уже рассказала, я так понимаю?

– Угу. – Ульяна плотно сжала губы.

– Ты там что, реवेशь, что ли? Да ладно тебе, я же не реву.

– Если тебе нужно как-то помочь...

– Ульяш, – перебил он, – ну чем ты мне можешь? Ничего не нужно, все в порядке. Буду доживать так.

Ульяна громко всхлипнула, попыталась вдохнуть, но горло будто слиплось. Она не стала спорить. Только стиснула зубы сильно-сильно. Клац-клац.

Вместо Ольги Николаевны, Ульяниного репетитора, дверь открыл ее сын. Ульяна пару раз видела его мельком во время занятий. Он проходил через гостиную на кухню и возвращался к себе в комнату с кружкой кофе или чая.

– Привет. Мама скоро вернется, проходи пока.

Он пропустил Ульяну в прихожую. Неловко поздоровавшись – на вы, – она скользнула на половичок и начала разуваться.

– Как доехала, нормально? А то там погода треш.

Ульяне не хотелось разговаривать. Под предлогом мытья рук она спряталась в ванной. А когда вышла в гостиную, он уже сидел за низким столом посреди комнаты – тем самым, где они с Ольгой Николаевной занимались английским каждый четверг.

– Тебе чай, может, пока сделать?

– Нет, спасибо.

Она открыла сумку и принялась вытаскивать тетрадь, ручку и распечатки с заданиями. Мелькнул толстый зеленый корешок.

– О, «Идиот»! Обожаю. Все пятикнижие прочитала?

– «Карамазовы» остались.

– Респект. Меня, кстати, Антон зовут. А ты?..

В прихожей хлопнула дверь. Он быстро встал из-за стола и пошел встречать мать. Ульяна сидела, потупив голову. Было неловко и приятно.

4

Наследственность давила на Ульяну со всех сторон, ставила капканы структурных изменений мозга. Наследственность смотрела на Ульяну бабушкиными глазами, вроде как серыми, а казалось – черными-черными.

Бабушка переехала к ним, когда Ульяне исполнилось двадцать. Мама предупредила Ульяну накануне, не дав времени ни возразить, ни свыкнуться с этой мыслью. Ульяна и не стала бы возражать. В маминой интонации, в поджатых губах и так читались раздражение и сильная-сильная усталость. Ульяна задушила под крышкой собственную досаду. Она знала, что с бабушкой будет тяжело. Вообще-то с бабушкой всегда было тяжело.

В Ульянино малолетство бабушка время от времени приезжала «посидеть с внучкой». Во время этих встреч она либо апатично слушала телевизор, либо убиралась и готовила – всегда с ворчанием, ругаясь достаточно громко, чтобы Ульяне было слышно и стыдно. Вечером родители возвращались с работы, вся семья собиралась за столом, и бабушка непременно капризничала из-за недосоленного, переперченного...

Мама вытряхивала в полиэтиленовый пакет бабушкин недоеденный, щедро перемешанный с кетчупом рис. И пусть внешне она казалась невозмутимой, Ульяна чувствовала сочившееся из нее напряжение – и впитывала.

– Раньше еще нормально было. А вот как папа умер...

Когда Ульяна стала подростком, мама перестала приглашать бабушку к ним домой. И тогда Ульяна начала ездить к ней сама. Зачастую их встречи проходили хорошо. Ульяна смешила бабушку историями из школьной жизни, та в ответ рассказывала про сельский клуб и танцы с «соколиками», про речку, корову, работу на заводе.

Бабушкины истории повторялись из раза в раз, так что Ульяна окончательно запуталась в именах и датах. Но она делала вид, что слушает, потому что в эти минуты на маленькой кухоньке становилось по-семейному тепло. (Пару лет спустя Ульяна сидела на этой кухне уже в одиночестве. Теперь это была ее кухня.)

И так лился день, а потом что-то случалось, и разговор рассыпался, как картинка из пазлов.

– Я ему говорю, мол, а ты чего ожидал? – со смехом рассказывала Ульяна. – А он мне, – и она театрально скривила лицо: – Тебя вообще это не касается!..

– Ну, ну, не гримасничай! – вдруг окрикнула бабушка.

Опешив, Ульяна тут же замолчала. Бабушка хмуро смотрела в ей в глаза. Затем повторила, чуть тише, но не менее ожесточенно:

– Не гримасничай. И вообще – чего раскричалась так?

Ульяна не стала спорить. Раньше пыталась, и тогда бабушка, повысив голос, перебивала, сама останавливалась на полуслове, театрально отмахивалась. В такие моменты становилось особенно заметно, что бабушкины волосы поредели, а лицо осунулось и пожелтело.

И вот неожиданно постаревшая бабушка оказалась в их квартире. Двадцатилетняя Ульяна лежала в темноте своей комнаты и слушала, как бабушка вздыхает за стенкой, шаркает по коридору, кого-то ругает полупшепотом. Вообще-то с бабушкой всегда было тяжело, но этот новый человек как будто и не был бабушкой.

Ковыряя ложкой творог, заспанная Ульяна наблюдала за тем, как бабушка подолгу стоит у входной двери, прикинув к глазку.

– Кого караулишь? – окликнула Ульяна.

Бабушка ломаным, кукольным движением приложила палец к губам:

– Тихо, они уже вызвали полицию.

– Никто никого не вызвал.

– Говори! Шепотом! – прошипела она.

В такие моменты бабушкины глаза становились черными. Ульяна старалась не смотреть.

Иногда бабушка выходила из квартиры и спускалась на этаж ниже, подслушивала у соседской двери. Иногда она часами стояла на балконе в ожидании пожарной машины. Часто останавливалась посреди комнаты и смотрела куда-то сквозь. Бабушка умирала долго; казалось, все, что она делает, – это бесконечное умирание.

– Ты куда?

Бабушка сидела за кухонным столом, откуда открывался обзор на прихожую. Ульяна натягивала зимние сапоги.

– Куда-куда... В институт, куда же еще?

– Нет, погоди!

– Что на этот раз, бабуль?

Врач, осматривавший бабушку, предупредил, что улучшений можно не ждать. И на Ульянин вопрос, что же тогда делать, пожал плечами: «Любить, жалеть, заботиться». Ульяна повторяла его слова как мантру, как заповедь. Но сама ничего не могла с собой поделать и злилась, злилась, злилась.

Бабушка зашаркала к Ульяне, тревожно сведя брови:

– Не надо! Не ходи!

– Да как я не пойду-то?

– Не ходи!

И она схватила Ульяну за запястье. Пальцы ее к тому времени стали холодными, негнущимися. Разжать их можно было только с усилием – как черепашью челюсть, как хватку окоченевшего трупа. От бабушкиного прикосновения оставались синие пятна.

– Да не надо меня трогать! – взвизгнула Ульяна. – Когда же это закончится? Сколько еще ты будешь нас мучить?!

И хватка ослабла. Впервые за долгое время в бабушкином взгляде появилось что-то осмысленное, что-то бесконечно печальное. Ульяна приоткрыла было рот, чтобы извиниться. Но тут бабушка прошептала:

– Не ходи.

– Боже! – вскрикнула Ульяна и выскочила на лестничную клетку.

В последние месяцы бабушка питалась одним молоком, от всего остального она брезгливо откачивалась. Ее вздутый живот выпирал шаром, от нее кисло пахло. Бабушка казалась маленькой и костлявой, но тело ее оставалось тяжелым и неповоротливым: оттащить ее от дверного глазка стоило Ульяне немалых усилий. Несмотря на скудную диету, бабушка продолжала жить, жить, жить...

И когда Ульяна решила, что это никогда не закончится, бабушка умерла. Вроде бы стало легче. И оттого, что легче, – мучительно стыдно и жалко. Жалко, что так получилось. Жалко, что так и не поговорили нормально. Как жалко... Ульяна ковыряла заусенцы до крови. Клац-клац.

«Привет, узнала, кто это?»

Шестнадцатилетняя Ульяна разглядывала фотографию Антона на аватарке. У него были русые волосы и светло-зеленые, какие-то бесцветные глаза. На снимке он чуть улыбался, так что на щеках проступили ямочки.

«Может, зря я это пишу, но ты не хотела бы выпить кофе вдвоем? Я все под впечатлением от Достоевского у тебя в сумке».

Из-за стены доносился мамин голос. Она говорила по телефону, кажется, с подружкой, и до Ульяны долетали обрывки фраз: «Ты бы знала... Да сплошная беда... Так я устала с ними».

«Например, в эту субботу?»

Ульяна открыла календарь в телефоне. На эту субботу у нее была намечена встреча с отцом. После того как родители разъехались, Ульяна виделась с ним пару раз в месяц. В основном по субботам, так что мама сердито прозвала его «папой выходного дня». Ульяна скрывала от нее, как ждет этих встреч. С тех пор как родители разъехались, Ульяна с отцом будто стали дружнее: начали вместе посещать выставки, обсуждали искусство, учебу, обсуждали за спиной маму.

«Прости, – набрала Ульяна, – в эту субботу никак не могу».

Накануне выходных она получила новое сообщение. «Ульяш, извини, неотложные дела. Не обижайся. Обнимаю».

Тогда Ульяна, стыдясь самой себя, снова открыла фотографию, принялась рассматривать ямочки. Набрала: «Привет. Предложение встретиться еще в силе?»

Антон поставил перед Ульяной чашку капучино. Бариста нарисовала на пенке котенка; увидев его, Ульяна не сдержала детский восторженный смешок. Тут же смутилась и подняла глаза на Антона.

– Спасибо. Сколько я должна?

Он снисходительно улыбнулся:

– Ты что, нисколько: я позвал – я угощаю. Тем более грех брать деньги с бедных студентов.

– Я не студентка, – поправила Ульяна, – я только школу заканчиваю.

И он, как ей показалось, замер на мгновение, внимательно на нее глядя. Затем медленно опустился на стул напротив.

– Серьезно? А по тебе и не скажешь. – И добавил: – У мамы есть пару учеников из вышки, я подумал, что ты из их числа.

– А тебе сколько? – спросила она, скорее чтобы поддержать разговор, нежели из интереса.

Антон сдержанно улыбнулся, не переставая разглядывать Ульяну.

– Побольше, чем тебе. – И тут на щеках проступили ямочки. – А что, в школе стали проходить «Идиота»?

– Нет, я для себя читаю.

Он подпер подбородок рукой. Под его взглядом Ульяне сделалось неловко, так что она вцепилась в чашку кофе. После пары глотков котенок на пенке расплылся.

– Круто. Любишь Достоевского? А Толстого читала?

– Недавно прочитала «Воскресение». Не знаю, какой-то он... слишком дидактичный для меня.

Антон рассмеялся:

– А Достоевский, по-твоему, не дидактичный?

Ульяна, не найдя, что ответить, неловко хихикнула. Антон заметил ее смущение и примирительно добавил:

– Да не, я понимаю, о чем ты. Толстой прям жестко напирает, я, честно говоря, когда его прочитал, вообще думал в православие удариться.

Ульяна обрадовалась:

– Вот и у меня такое было!

Она не стала добавлять, что после «Воскресения» перечитала Новый Завет и даже пробовала молиться. Но произносимые слова звучали фальшиво, Ульяна никак не могла их выговорить, никак не могла перестать видеть себя со стороны, а значит, быть неискренней. Один раз по дороге от репетитора Ульяна, завернув голову в шарф, зашла в храм и попала на вечерню. Она отстояла службу до конца, крестясь, когда другие прихожане крестились, чувствуя себя лишней, чувствуя себя неуместной деталью на слаженном коллаже. Ульяна очень хотела верить, но у нее не получалось.

– О чем задумалась? – окликнул Антон. И улыбнулся: – Нет, все-таки ты совсем не похожа своих ровесниц. Да и на моих тоже... в хорошем смысле. Расскажи о себе побольше.

...Тем вечером, вернувшись домой, Ульяна получила сообщение: «Ну ты же понимаешь, что я рассчитываю встретиться снова? :)» Она долго вглядывалась в экран телефона, будто надеясь, что подсказка проступит меж пикселей. Затем медленно набрала: «Да, можно», – и отправила.

– Вот, пожалуйста.

От неожиданности Ульяна вскинула голову. Перед ней стояла молоденькая девушка – тоненькая платиновая блондинка, белая-белая, почти светящаяся, словно из сказки или из книги Грей-вса. Она протягивала Ульяне книгу в твердом синем переплете; на лицевой стороне – алконост золотым тиснением.

Ульяна хихикнула:

– Меня преследуют юнгианцы.

Девушка не обратила внимания на ее слова. Вдруг сказала:

– У вас красивый кардиган.

– Спасибо, сама связала.

Этот кардиган – со звездами на рукавах и месяцем на спине – Ульяна вязала в перерывах между чтением новостей. Вязала после работы, приготовив мисочку с печеньем. И пока она вязала, все ее существо фокусировалось на подсчете петель, на сложенной схеме, структуре. Никакие кисельные реки, молочные берега в такие моменты становились не нужны. Вплетая себя в изделие, Ульяна чувствовала спокойствие, чувствовала, что жизнь может приносить удовольствие.

– Очень красиво, – повторила девушка.

К собственному удивлению Ульяна произнесла:

– Хотите – подарю?

– Ой, да что вы... – Обеим стало неловко. – Он вам так идет.

Ульяна вернула девушке завернутую в пакет книгу и сдачу. Та, улыбнувшись, попрощалась и вышла из магазина. Чувствуя себя глупой и неуместной, Ульяна откинулась на спинку стула. Затем обернулась к Алексею, бродящему меж стеллажей. Одной рукой он мял мячик, а второй пролистывал что-то в телефоне.

– Подмените? – спросила она. – Сейчас приду, – и вынырнула из-за кассы.

В уборной она долго рассматривала свое отражение в зеркале. Черты лица будто исказились, оплыли, и зеленые глаза в полутьме казались черными. Ульяна проморгалась, и лицо стало прежним. А на Ближнем Востоке началась война.

Когда Ульяна вернулась за кассу, в новостных телеграм-каналах уже висело с десятков непрочитанных постов. Ульяна пролистнула их, словно крутанула рулетку, и в глазах зарябило от боевиков и заложников.

Алексей к тому времени начал методично расставлять книги.

– Новости не проверяли? – спросила Ульяна.

– Ты про этих, что ли? – не глядя, отозвался он. – Да они уже семьдесят лет воюют.

– Скорее бы все это закончилось...

Ульяна, собственно, сама не знала, что именно «это».

Алексей распрямил затекшие плечи, пару раз лениво повернул корпус сначала вправо, потом влево. Подпер руками поясницу.

– Уже не закончится, – как будто с удовлетворением произнес он. – Мы вступили в эпоху новой столетней войны.

Не успела Ульяна ответить, как звякнул дверной колокольчик, и в магазин вплыла женщина в шубе и меховой шапке. Ульяна не сразу заметила, что с ней что-то не так.

На ее одежде блестели капли растаявших снежинок. Мокрые носки замшевых сапог потемнели. Женщина глядела на Ульяну, широко раскрыв глаза, будто надеясь что-то прочитать в ее лице. В ее собственном взгляде не читалось ничего. И Ульяне стало жутко.

– Вам подсказать что-нибудь? – вкрадчиво произнесла она.

– Знаете... – Голос женщины, казавшейся такой далекой, прозвучал неожиданно близко. – А у меня ночью собака умерла. – Она сделала паузу, чтобы сглотнуть. – Видимо, отравилась. Я снача-

ла думала в ветеринарку ехать, но потом поняла, что не успею. Жалко так... Молоденькая собачка была, со мной на диване спала.

Женщина сморгнула слезы и вместе с этим будто очнулась.

– Извините, – бросила она и быстро вышла из магазина.

Дверной колокольчик все еще бряцал по инерции. Ульяна не могла пошевелиться.

– Господи, какие мы все... – пробормотал Алексей.

– Может, зайдешь на чай? Тут ехать всего одну остановку. – Антон кивнул в сторону автобуса.

Ульяна выдохнула облачко пара. Она переминалась с ноги на ногу, пытаясь согреться: по глупости надела юбку в минусовую погоду, надеясь, что теплые колготки спасут.

– Можно. – Она дыхла на замерзшие пальцы. – А Ольга Николаевна дома?

Антон не услышал вопрос.

Ольга Николаевна дома не было. Ульяна сидела на полу за столом в гостиной. Она разглядывала корешки книг на полках, улыбалась знакомым названиям.

– Непривычно сидеть тут просто так, – хихикнула она. – Так и хочется начать говорить по-английски. Спасибо.

Антон поставил перед ней чашку чая и блюдо с печеньем. Вопреки Ульяниным ожиданиям, он сел не напротив, а рядом. Ульяна заерзала, надеясь незаметно отодвинуться.

– Да? И что бы ты сказала?

Она смущенно улыбнулась:

– Не знаю, я пока не придумала.

Антон облокотился на диван и подпер голову рукой. Так он оказался боком к Ульяне и мог хорошо ее рассмотреть. Ульяна старательно не поднимала взгляд.

– Ты славная девочка, – вдруг сказал он. – Но зажатая.

К тому времени они виделись – Антон говорил «встречались» – уже три месяца. Вместе ходили в музеи и галереи (Ульяна сбивчиво объясняла Антону, почему ей нравится голубой период Пикассо, он только улыбался, а потом учил ее различать Моне и Мане). Вечера они проводили в кафе, Антон водил Ульяну пробовать кофе на песке, ей больше всего понравился с фундуком. Она рассказывала ему про подготовку к экзаменам, он ей – про работу. Один раз – по Ульяниной просьбе – заглянули на выставку бездомных животных, и расстроенная Ульяна, переходя от одного стола к другому, взяла Антона за руку. Иногда ей хотелось поцеловать его.

– О чем ты постоянно думаешь? – позвал Антон.

Ульяна опомнилась:

– Да ни о чем. Просто туплю в пустоту.

– Ну, конечно. – Он погладил ее по голове. – Смешная ты.

Ульяна обернулась, и тогда он взял ее за подбородок и поцеловал. Шепнул: «Расслабься», – и поцеловал еще раз. Ульяна зажмурилась. Ей захотелось провести руками по его волосам, по плечам и спине. Антон положил ладонь ей на затылок.

И тогда она распахнула глаза. Его вторая рука скользнула ей под юбку. Вдруг Ульяне показалось, что она видит себя со стороны – видит глупую девчонку, замершую, как заяц, смотрящую в пустоту. Видит руку, пытающуюся стянуть с нее колготки и белье, видит сухие пальцы, от которых чувствительная кожа покрывается мурашками. И чем дольше Ульяна смотрит на эту окоченевшую девчонку, тем сильнее становится рвотный позыв. И ей хочется схватить ее за волосы и...

– Не трогай! – выкрикнула Ульяна и ударила Антона в плечо.

Он отстранился, нахмурившись. Ульяна вскочила на ноги, на ходу неуклюже поправляя колготки и юбку. Сердце стучало в горле, мысли стучали в висках. И вдруг девчонка, на которую смотрела Ульяна, куда-то пропала. Осталась только она сама и Антон. Глядя ему в глаза, она промолчала:

– Не злись.

И выскользнула в прихожую.

Пока Ульяна в спешке одевалась, Антон стоял у входа в гостиную, прислонившись к дверному косяку и скрестив руки на груди. Он молчал, а у Ульяны слова застряли поперек горла. Пальцы дрожали, она никак не могла завязать шнурки и от этого волновалась только сильнее.

Наконец, подхватив сумку, не оборачиваясь, Ульяна потянула за ручку входной двери. Из-за спины окликнули:

– Ульян.

Она замерла.

– Забей.

Дверь захлопнулась.

Дорога домой проскользнула мимо, как пленка на перемотке. Добравшись до квартиры, Ульяна начала разуваться с порога, сбросила, не глядя, сапоги, откинула в сторону куртку. Голова кружилась, как от нехватки воздуха. Ульяна сделала глубокий вдох, и вдруг он вырвался наружу вместе с плачем:

– Мама!

В гостиной послышалось шарканье надеваемых тапочек, быстрые шаги. Мать почти выбежала в коридор, лицо искажено беспокойством.

– Господи, Ульяна, ты чего так пугаешь? У меня душа в пятки ушла.

Ульяну затрясло. Слезы, кипевшие глубоко внутри, наконец подступили к глазам. Мать свела брови, и ее лоб прорезали морщины.

– Ну чего стоишь? Что у тебя случилось?

И Ульяне так хотелось заплакать в голос, во всеуслышание выплакать всю обиду, чтобы потом уткнуться носом в теплую темноту, уснуть и, проснувшись, почувствовать себя легкой, почти невесомой.

– Мама, я чувствую себя такой грязной!

– Боже ж ты мой! – Мать прижала руку к груди. – Ты можешь нормально сказать, что случилось?

То ли в коридоре было такое освещение, то ли Ульяну подводило зрение, но мама вдруг показалась ей очень бледной, а еще очень маленькой. И Ульяна проглотила комок слез.

– Я упала.

– Ульяна! Ты меня довести решила? Иди переодевайся, хватит на пороге стоять!

...Ульяна сидела на дне ванны и терла, терла, терла щеткой распаренную кожу на бедрах. Терла до красных пятен, до красных бусин. Потом сидела неподвижно и долго наблюдала за тем, как бусины собираются в крупные капли.

С Антоном они больше не гуляли. Клац.

5

Под его строгим взглядом Ульяне стало некомфортно и стыдно. Алексей как обычно не обращал внимания ни на что, кроме книг. Поэтому Ульяне было некого спросить, действительно ли хозяин квартиры глядит на них с презрением или ей только кажется. Ульяна чувствовала себя воровкой, хотя всего-то выполняла свою работу.

Хозяином квартиры оказался высокий худощавый старик. Он был одет в брюки и фиолетовую рубашку поло, потускневшую от времени, но все еще опрятную. Редкие прозрачные волосы были аккуратно подстрижены и зачесаны. А долговязое тощее тело напоминало жгут: оно словно было сплетено из проступающих синюшных жил.

Квартира напоминала владельца: высокие потолки, старая, но крепкая мебель, тонкий серебристый слой пыли. Пестрая библиотека: от Платона до Ленина, – насчитывала не так много книг (будто часть уже продали или вынесли на лестничную клетку). Ульяна нарочно не разгибалась, складывая тома в коробки, чтобы лишний раз не встречаться глазами со стариком.

– Забирайте, забирайте, – подгонял хозяин квартиры. – Зачем мне это теперь?

Ульяна подошла к высокому комоду с резьбой в стиле модерн. На комод выстроился ряд фотоальбомов. Их было больше пятнадцати, все пухлые. Должно быть, подумала Ульяна, там лежит хорошая жизнь.

На дальнем краю комода, придвинутый к стене, стоял ящик из темной искусственной кожи. Небольшой, сантиметров тридцать в высоту. Сначала Ульяне стало интересно. Затем она заметила почти выцветшее золотое тиснение: ФИО и даты через прочерк.

Точно такой же ящик два года назад, в свой темный, почти вытесненный из памяти дипломный год, Ульяна забирала из крематория. На ящике было полное имя отца, даты его рождения и смерти, а внутри как будто бы его тело, но в последнее верилось с трудом. Проходя мимо стен с замурованными ячейками, Ульяна вдруг вспомнила, что слово «колумбарий» переводится как «голубятня». Подобные мысли были не уместны. Но вот понять, о чем стоит думать, Ульяна никак не могла. Мир казался далеким, дорога от точки выдачи праха до крематорских ворот – бесконечной. Ульяна будто видела себя со стороны. И вспоминала отцовские похороны.

Он лежал в гробу посреди зала, не похожий сам на себя. Ульяна знала, что лица мертвецов всегда искажаются: нос становится острее, кожа стягивается к затылку. Но в отцовском лице она видела перемены совсем другого толка. Впервые в жизни Ульяна осознала, что совсем на него не похожа. И что всю жизнь он был так далеко, а теперь станет еще дальше.

Будто в полудреме, она положила цветы не на саван, а у отцовой головы. И те неуклюже провалились в гроб, выпятив кверху стебли. Всем присутствовавшим в зале от этой глупой ошибки стало неловко.

– Что ж, само прощание будет в крематории, – вкрадчиво произнесла работница морга. – Сейчас вы можете сесть в машины, они ждут у входа.

– Ты что, пап? – прошептала Ульяна. – Разве можно так с собой?

И вместе со всеми вышла на улицу.

Ульяна проживала эти воспоминания изо дня в день. Прошрое и настоящее протекали одновременно.

Придя в себя, Ульяна поспешно обернулась и встретила взглядом с владельцем квартиры. Все это время он наблюдал за ней и теперь, казалось, глядел с неприкрытым раздражением.

Позже, в машине, до того как они выехали с парковки, Алексей обернулся к Ульяне.

– Ты как себя чувствуешь? – вдруг спросил он. – Ты зеленая. Все нормально?

– Порядок...

– Ну ты смотри, – бросил Алексей. – Просто если непорядок, я лучше на метро поеду.

И Ульяне как будто стало легче. Улыбнувшись, она завела машину, затем включила радио. Передавали о девочке, пришедшей в школу с дробовиком.

...Тем вечером на подъезде к дому Ульяна свернула к ресторану быстрого питания. Она заказала два чизбургера, нагетсы, деревенскую картошку и молочный коктейль, густой и холодный, как мороженое. Затем припарковалась и начала есть. Захотелось позвонить маме.

«Привет. Не отвлекаю? Да я просто так. Как у тебя дела, как самочувствие?» Мамин монотонный, полный ненужных деталей рассказ утешал. Ульяна слушала и жевала котлету, которую выпила из чизбургера.

Она вспоминала, как вместе с мамой сидела на кухне после поминок по отцу. На столе еще стояли блины, икра, миска с кутьей, которую никто не ел.

– Ты смотри, береги себя, – не глядя на мать, говорила Ульяна. – У меня, кроме тебя, больше никого не осталось.

Наверное, думала она, тогда и пришел этот страх: стоило матери чуть дольше обычного не отвечать на звонок, в Ульяниной голове уже раскручивались тревожные сценарии. Все сценарии вели к смерти, похоронам и полной тьме. А во тьме ждало то, что не выковырять лезвиями, не вырвать наружу вместе с завтраком. Во тьме ждало все то же самое.

Тогда же, после отцовской смерти, Ульяна начала видеть числа. Она даже запомнила, как это случилось в первый раз – в метро, по дороге домой после поминок. Ульяна приложила карту к

валидатору, и на экране отобразился баланс – 222 рубля. Тогда она улыбнулась. Она знала, что подобные трехзначные числа: 444, 777 – называются ангельскими. Должно быть, это хороший знак.

Позже она стала видеть ангельские числа повсюду: на автомобильных номерах; на объявлениях о продаже, аренде, помощи попавшим в трудную жизненную ситуацию; на часах; на ценниках и кассах в магазинах. Каждое такое число казалось улыбкой мира. Каждое такое число что-то значило.

Вслед за ангельскими числами пришли зеркальные: 393, 252, 909. В них тоже был смысл. А вскоре стало ясно, что смысл есть вообще в любой цифре. И от этого осознания Ульяне стало не по себе.

Цифры структурировали мир. Каждая цифра была сигналом, намеком, а может быть, криком. Но Ульяна не могла их разгадать, только догадывалась о значении. Так турист, выучивший алфавит, в чужой стране узнает иероглифы, но не может собрать их в слова. Цифры резали глаза.

Иногда Ульяне все же удавалось расшифровать их. Например, номер ее машины: 149, – оказался предопределением. Единица и девятка символизировали начало и конец, прямой маршрут, а четверка, Ульянино счастливое число, – ее саму. Четверка застряла в кольце смертей и рождений. Это она-то, в один год схоронившая бабушку и отца, оставшаяся с матерью. И раз в конце четверку поджидает девятка, значит, когда-нибудь мама не возьмет трубку. И четверка ничего, ничего не сможет с этим поделать.

– В этом возрасте со всеми девочками что-то случается.

Мама мыла тарелки и говорила одновременно. Ульяна молча вытирала стаканы. Посреди стола стоял торт со свечами в форме цифр 1 и 7. Рядом лежали праздничные салфетки: разноцветные воздушные шарики на фиолетовом фоне. На плите закипал чайник.

– Все кажется концом света. Но поверь мне, – она обернулась, – в семнадцать все только начинается.

Мамина улыбка показалась Ульяне вымученной. В ней читалось: давай не будем портить друг другу праздник. Ульяна улыбнулась в ответ и собралась было садиться за стол, но мама остановила ее, взяв под локоть.

– Ты в этом и останешься, в этой страшной кофте?

Ульяна натянула рукава до самых пальцев.

– Какая разница, в чем ходить дома? – отмахнулась она.

– У тебя много нормальных футболок, иди переоденься.

– В футболках холодно. Я стала мерзлявая.

Ульяна примирительно улыбнулась. Мать сначала было нахмурилась, но потом лишь покачала головой.

– Есть надо нормально, и не будешь мерзнуть.

За последние несколько месяцев Ульяна скинула 7 килограммов. Не специально. Просто тело вдруг показалось грязным и тяжелым, как намочший под дождем свитер. Ульяна мечтала снова стать маленькой и чистой.

Чтобы почувствовать себя чистой, она надолго задерживалась в душе и все терла, терла, терла кожу, пока та не покрывалась красными пятнышками лопнувших капилляров. Так было на первых порах, так было после Антона. А потом Ульяна разломала бритвенный станок и достала из него тонкие, почти невесомые полосочки лезвий... Из душа вышла завернутая в полотенце, долго искала в шкафу ненужную кофту с длинными рукавами.

Сначала Ульяна винила Антона, но вскоре поняла, что он был только триггером. Проблема была не в нем, а в обертке, в которую завернули Ульяну. Ульяну – елочную игрушку в газетке, Ульяну – запечатанное на зиму окно. Она брала бритву и делала прорезь в бумаге, делала прорезь в скотче, выковыривала вату. Она дергала за ручку и открывала окно, но снаружи ничего не было видно.

В свою восемнадцатую зиму Ульяна решила перезапустить Вселенную. Сбить себя до заводских настроек, так, чтобы проснуться с мытой головой на чистой наволочке в дачном домике, где тюлевая штора светится против солнца.

Хрустели блистеры, Вселенная готовилась к перезагрузке. Ульяна сделала большой глоток, опустила голову на подушку, зажмурилась. Первым делом она почувствовала жар в висках, затем – как раскаляются лоб и уши. Потом Ульяна уснула.

А утром она все так же проснулась Ульяной. С трудом поднялась с кровати, шатаясь, добралась до ванной, где ее вырвало. Мир не стал ближе, тише или ласковей. Клацанье помолчало немного, а затем вернулось.

Подперев голову руками, Ульяна наблюдала за высоким мужчиной в синтепоновой куртке. Он неторопливо обходил магазин, шурился, изящным движением подцеплял корешки так, что книги падали ему прямо в ладонь. Открыв выбранный том на середине, он застыл посреди прохода, оставляя книгу на расстояние вытянутой руки и, дальнозорко шураясь, читал.

– Извините, – осторожно окликнула Ульяна, – мы закрываемся через десять минут.

Он оглянулся, с удивлением подняв брови, будто забыл, что Ульяна была тут с самого начала.

– Вот как... Ну, десять минут – это еще много.

Ульяна натянуто улыбнулась. Однако, вопреки ее ожиданиям, мужчина все же прошел к кассе. Протянул Ульяне книгу и смятую сторублевую купюру.

– Читали? – спросил он.

– Нет, – честно призналась она.

Открыла кассу, стала набирать сдачу из оставшейся к вечеру мелочи. Она старалась не поднимать глаза. Под ее взглядом лицо мужчины едва уловимо менялось: оплывали брыли, углублялись носогубные складки, филиновские брови клином сходились на мясистой переносице. Такое случалось и раньше, особенно когда Ульяна ездила в метро: в какой-то момент черты лиц окружающих расплывались, менялись прямо на глазах: зрачки становились рыбье-синими, губы асимметрично вспухали и трескались, раздувались носы. Взгляды делались озлобленными, взгляды были прикованы к Ульяне. Она зажмурилась и списывала происходящее на усталость.

– Как же так? – равнодушно произнес мужчина. – Лучший прозаик современности.

Его интонация ничуть не менялась, и Ульяна не могла разобрать: шутит он или говорит серьезно. Она привычно улыбнулась:

– Думаю, это слишком громко сказано.

– Правда? А кого тогда посоветуете?

– Я принципиально не советую книги.

Выпустившись с филфака, Ульяна зареклась обсуждать литературу. Она читала постоянно, с перерывами на вязание, вождение, новости и сон. И каждая прочитанная книга сворачивалась в памяти теплым котенком. Но стоило Ульяну начать говорить о нем, как котенок превращался в нелепое чучело, слова не соответствовали мыслям, никак не хотели становиться на свои места. «Надо учиться говорить», – заметил однажды Алексей. Но Ульяна не хотела тревожить котят.

Она протянула мужчине сдачу. Он сбросил монеты в карман, но уходить не торопился.

– Как же так, девушка? – вдруг, глядя Ульяне прямо в глаза, спросил он. – Книги не читаете, не советуете. А зачем вы тогда здесь нужны? Сидеть за кассой можно где угодно.

...Ульяна затормозила у перекрестка.

– Нет, ты прикинь, а? Мало того, что пришел под закрытие...

Из динамика телефона донесся Викин голос:

– Да уж, это жуть...

– И еще таким тоном, ты бы слышала! Ненавижу снобов, чертовы...

– Слушай, – перебила Вика, – ты за рулем сейчас?

– На светофоре стою.

– Давай лучше ты до дома доедешь и дорасскажешь, хорошо? А то я переживаю.

- Да нечего там рассказывать, – устало выдохнула Ульяна.
- Тогда ладно. Осторожно в дороге.

Вика повесила трубку.

Ульяна смотрела на свои руки, сжимающие руль. В свете оранжевых фонарей кожа почему-то казалась синюшной, костяшки просвечивали, как маленькие луны. Если бы у Ульяны были крепкие-крепкие зубы, она бы в ту же секунду вцепилась бы себе в запястья, выгрызла бы сухожилия и чавкала бы, чавкала, чавкала, пока не уймется мандраж.

Сзади раздраженно засигналили. Ульяна вскинула голову и увидела зеленый. Она ударила в педаль газа, машина дернулась с места и поехала. Клац.

Она начала танцевать еще в лифте. Затем вплыла в квартиру, позволяя телу двигаться самому по себе: оно лучше знало правила. Скинув ботинки и сбросив куртку на пол, Ульяна вытащила из кармана джинсов телефон и включила первую попавшуюся в плейлисте песню. Ее темп чудом совпал с внутренним ритмом. И, закрывшая глаза, танцующая в темноте, Ульяна оказалась в комнате, полной людей.

Среди них Ульяне было спокойно и радостно, она знала их, как никто другой, она продумала их жизни во всех деталях, на это ушел не один час на границе сна. Ульяна обернулась и упала в объятия к самому нежному мальчику в мире. Его она знала лучше всех, в ее душе он казался таким живым, что не мог не существовать.

Ульяна всю жизнь мечтала быть частью большой компании, быть частью смеха и блеска. Это значило не чураться шума, не бояться проявляться и отражаться в чужих глазах. Это значило быть совсем другой Ульяной. И когда Ульяна реальная становилась бесстрашной версией себя, она чувствовала спокойствие и радость, и забрала больше не были нужны.

Когда песня закончилась, Ульяна открыла глаза и снова оказалась в одиночестве. Она достала из холодильника сыр и имитированные крабовые палочки, нарезала их, разложила на ломтях хлеба и сбобрила майонезом. Она ела, не переодевшись с улицы, не боясь испачкаться, глотала, не жуя.

Потом вильнула в ванную комнату и принялась канцелярскими ножницами отрезать короткую челку. А мир тем временем горел и взрывался, мир был беженцами, заложниками и террористами, изнасилованными детьми, стариками в вымирающих деревнях, мир гремел землетрясениями и цунами, взрывами газа, выбитыми стеклами, разрушенными домами. Мир был Ульяне прямо в ухо, и от его голоса рушился хрупкий скелет, выстроенный из чисел. Чирканье ножниц чуть заглушало осатанелый вопль. Поэтому Ульяна резала.

6

Ульяна думала, что этот день будет особенным, что с самого утра ей явится предзнаменование, например, остановятся часы или птица залетит в дом. Но все началось совсем буднично. За завтраком Ульяна читала о прошедших ночью массированных ракетных обстрелах. С каждым новым постом числа в графе «погибшие и пострадавшие» возрастали. И, долистав ленту до конца, Ульяна почувствовала, как рот наполняется горечью. Она соскочила со стула и успела склониться над раковиной. Ее вырвало кофе, йогуртом и желчью.

...В магазине было тихо: ни новых книг, ни посетителей. Алексей изредка прохаживался между стеллажами, по привычке сжимая в руке резиновый мячик. Большую часть времени он проводил у себя в каморке. Ульяна сидела за кассой и смотрела перед собой. Отдаленный шум вентилятора, доносившийся из коридора, вводил ее в состояние оцепенения.

Чтобы прийти в себя, Ульяна полезла читать новости. С самого утра ее не переставало мутить, так что теперь она просматривала посты по диагонали. Перед ее глазами тянулась черно-белая лента из ДТП, уголовных дел и невенчаемых приговоров. Моргнул и пропал было теракт; тут же, вздрогнув, Ульяна проскроллила вверх. Несколько раз, чтобы уж наверняка, перечитала название маминого города. Взрыв в метро, развороченные вагоны, погибшие.

Ульяна поспешно переключилась на журнал вызовов, набрала маму. Из трубки долго монотонно гудело. Тогда Ульяна сбросила и перенабрала номер. Снова гудки – и только совсем далеко как будто скрежетало. Проверила связь: три полоски, все в норме. Быстро напечатала в мессенджере: «Ты в порядке???» Недолго думая, отправила еще и смс. Снова позвонила.

Ульяне не ответили.

И тогда она вскочила из-за стола, потому что в эту самую минуту, вот, получается, прямо сейчас...

– Ты чего? – окликнул Алексей.

И Ульяна почувствовала себя такой маленькой, какой, наверное, никогда не была.

– У меня, кажется, мама умерла.

...Ульяне хотелось превзойти скорость, хотелось выехать на встречу, чтобы обогнать всех, кто будто нарочно тормозил перед ней. Алексей отпустил ее со смены мгновенно, лишь вздохнув: «Боже мой». Напоследок окликнул: «Аккуратнее на дороге». И Ульяна, ничего не отвечая, выскочила за дверь.

Если без пробок, то до маминого дома ехать чуть меньше часа. Перестраиваясь с одной полосы на другую и обратно, Ульяна то и дело поглядывала на навигатор, пытаясь сообразить, где можно срезать. Из-за спины раздался гудок: во время очередного маневра Ульяна чуть не зацепила нос ехавшей позади машины. Пытаясь заземлиться, она глубоко дышала через нос: встрянешь в аварию – потеряешь еще больше времени. Вдохи получались судорожные, рваные. Будто в аффикте Ульяна разучилась существовать.

Она в очередной раз свернула навигатор, набрала мамин номер. Ответа не последовало. Будний день, думала Ульяна, значит, мама точно отправилась на работу. Давно надо было спросить, по какой ветке она ездит. Хотелось в очередной раз пролистать новостной канал, чтобы непонятно что там найти. Не хотелось въехать вопереди движущуюся машину.

Наконец Ульяна свернула с шоссе на пролегающую через лес двухполосную дорогу. Почти половина пути позади. Теперь можно поднабрать скорость.

Она часто представляла себе этот день, может, слишком часто, потому и накаркала. Она представляла его каждый раз, когда мама пропускала звонок или долго не отвечала на сообщения. Она представляла его, вдруг вспомнив отца в гробу. И когда Вика рассказывала о своей матери, Ульяна черно завидовала, потому что чужие родители казались бессмертными.

Вдруг поверх навигатора развернулся экран вызова. Мама!

Ульяна крутанула руль в сторону, машина дернулась на обочину, выкатилась на траву, качнулась, ввехав в неглубокую яму. А в Ульяниной голове уже прокручивались сценарии: если не умерла, значит, в больнице. Негнувшимся пальцем нажала на кнопку с поднятой трубкой.

– Ульяш, привет, – раздалось из динамика.

Ульяне показалось, будто мамин голос звучит слабо.

– Ты чего столько раз звонила?..

– Что случилось? – перебила Ульяна. – Ты как, в порядке? Что у тебя происходит?

– Да ничего. Я только проснулась.

Ульяна откинулась на спинку сидения. Облегчение не пришло. В ушах шумело.

– В смысле проснулась? Ты разве не должна быть на работе?

– Я больничный взяла: простудилась. Надеюсь, не ковид, еще чего не хватало. А почему ты...

– Чего тогда трубку не брала?! – почти прокричала Ульяна.

– Я же сказала, что спала. А телефон на тихий режим поставила.

Если дышать через нос, если сосчитать до десяти, если назвать все предметы синего цвета...

– Никогда так больше не делай! – завизжала Ульяна.

Мама не ответила. Ульяна неосознанно задержала дыхание, надеясь услышать, что происходит по ту сторону трубки. Она хотела было извиниться. Она хотела было высказать матери все, что думает. Но слова слиплись в горле.

Ульяна подняла голову и увидела перед собой лес. Его зелень в разгар зимы, смолянистая зелень душистых игл вдруг показалась ей неожиданной и потому завораживающей. Темные стволы, местами очищенные от коры, краснели обнаженным мясом.

Наконец из динамика раздалось:

– Ульяночка, что с тобой?

И с ранки содрало корочку. Ульяна разрыдалась:

– Мамочка, я так хочу тебя увидеть. Как-то... столько всего накопилось.

Мамины невразумительные утешения заглушило хищное, всегда возвращающееся клаянье. Обняв себя за локти, Ульяна стучала зубами.

Она написала Алексею, что мать в порядке, и попросила неделю выходных. Точнее, просто сказала, что не придет, и он дал согласие. Развернув машину на полпути, она медленно добралась до дома. Зайдя в квартиру, не переодеваясь, принялась готовить обед. После еды ее вырвало так же, как утром. Голод стал сильнее.

А ночью Ульяна поняла, что разучилась спать. Сначала она провалилась в тревожную дрему, в которой видела машины, бомбы и аркан «Суд», затем вдруг распахнула глаза. Разблокировала телефон: с момента ее засыпания прошел всего час. Еще час ушел на то, чтобы заснуть снова. Снова посмотрела короткий кошмар, снова открыла глаза.

В пять утра, отчаявшись, Ульяна встала с дивана и пошла чистить зубы. Она заставила себя сделать зарядку, чтобы вернуть чувства в заостеневшее тело. Затем сварила кофе, открыла холодильник. Рот наполнился привкусом желчи, а желудок скрутило от голода. Ульяна позавтракала и еще долго ощущала спазмы в животе.

День прошел бестолково. Ночью Ульяна просыпалась каждый час.

Так же бестолково прошла неделя. Ульяна написала Алексею, что заразилась ковидом. Отправив сообщение, она расплакалась: в последние дни она то и дело плакала по пустякам. Из-за постоянных приступов рвоты с лица не сходили отеки, на веках выступили бурые пятнышки оползавшихся капилляров. Зрачки расширились, глаза казались черными. Глядя на свое отражение, Ульяна думала, что вдруг стала похожа на папу. Думала, что стала похожа на всех членов семьи одновременно. Полосатые руки зудели. Очень хотелось спать. Вязание лежало нетронутое.

Вика написала ближе к полуночи. Ульяна долго разглядывала непринужденное «Привет, как ты?» Затем, досадуя на саму себя, наконец напечатала: «я не могу нормально есть я не могу спать».

«Приехать?»

Ульяна посмотрела на часы. 0:00. Это замкнутый круг, подумала она, или обнуление?

...Вика и Ульяна сидели за кухонным столом. Ульяна прислонилась к стене и разглядывала ковыряемый заусенец. Ей было невозможно видеть Вику, которой пришлось сорваться с места посреди ночи, которая теперь обеспокоенно ерзала на табуретке, сцепляла пальцы и так внимательно, внимательно слушала. Ей было невозможно слушать собственный тусклый голос, но и замолчать она как будто не могла.

– ...Алексей говорит, что так нельзя, что в коллекции – весь человек. Но рехнешься же все это тащить за собой. Я раньше думала, что проблема снаружи, но теперь понимаю, что проблема во мне. Остальные же как-то справляются... с этими проклятыми кошечками. Поэтому до меня дошло наконец... что нет никакого чудовища. Все это время только я зубами клаяла. Но знаешь, – она заставила себя поднять глаза, – проблема в том, что это ничего не меняет.

Вика молчала. Затем сложила руки на столе, как на парте, и заглянула Ульяне в лицо.

– Уль, послушай. Моя подруга ходила к хорошему врачу. Могу попросить его контакты, хочешь?

Ульяна ухмыльнулась:

– Думаешь, щелкать челюстями перестану?

Вика вдруг улыбнулась:

– Ну, выспаться тебе точно не помешает.

И к своему удивлению Ульяна услышала, что смеется.

Врач пробежалась глазами по сделанным записям, затем обернулась к Ульяне.

– Что ж, с нашей первой встречи прошло уже полгода, и, как мне кажется, динамика положительная. Вы со мной согласны? О полной ремиссии говорить еще рано. Но в теории месяцев через шесть можно будет отменять антидепрессанты. А вот нормотимики пока оставим, они с нами надолго.

Через окно кабинета Ульяна могла видеть солнце. Его свет отражался от светло-бежевых стен комнаты, и та казалась больше, чем была на самом деле.

– У нас есть еще немного времени. Может, у вас остались вопросы?

– Да. – Ульяна помедлила. Выдохнула и выговорила: – Как вы думаете, что это вообще такое?

Врач откинулась на спинку кресла, сцепила ладони на животе. Чуть помолчав, сказала:

– Что ж, это только мои выводы, другой врач может со мной не согласиться. Но, с учетом отягощенной наследственности, я считаю, что это шизотипическое... – Заметив, что Ульяна вздрогнула, она поспешно добавила: – Не подумайте, шизотипическое расстройство – это не шизофрения. Это...

Ульяна перебила:

– Я знаю. Проблема в другом.

– А в чем тогда?

– Разве можно...

Ульяна закрыла глаза, теперь солнце казалось ей алым.

– Разве можно всего этого не замечать?

Они сидели на открытой веранде, прячась от летнего солнца под широким зонтом. К собственному удивлению Ульяна согласилась встретиться в кафе, вместо того чтобы опять отсиживаться в гостях. Теперь она, одетая в вязаный хлопковый топ, подставляя запястья теплу, с удовольствием уплетала роллы. Вика, закинув ногу на ногу и вальяжно помешивая капучино, рассказывала:

– ...И я спрашиваю у нее, мол, травмы есть? И она мне... Нет, ты послушай, реально! Она мне говорит: «Да, палец на ноге сломан. Но я ведь и с ним могу танцевать!» Ты прикинь!

– Атас!

Ульяна чувствует себя бодрой и сытой. Уже несколько месяцев она не ощущает тошноты после еды. Пару недель как выбросила все лезвия. Врач делает хороший прогноз.

Ульяна чувствует себя чистой. Ульяна – самая настоящая Ульяна.

Но порой она просыпается среди ночи, объятая жгучей нежностью к миру. И в такие моменты ей хочется обратиться в челюсти, вцепиться в саму себя зубами и разорвать на клочки, чтобы выплеснуть наконец эту горькую невыразимую любовь.